

Уже позднее утро. Солнце начало наконец припекать по-июньски. Воздух тяжёл и наполнен запахом сена и свежей травы. Он успел накалиться так, что дышать трудно. Старые горы, покрытые ковром смешанного леса, защищают всё вокруг. В лучах солнца они будто сияют, отливая изумрудом.

Он стоит и ровно дышит, пока я аккуратно чешу его воздушную гриву. Его сине-чёрный глаз следит за каждым моим движением, немного недоверчиво. Нетерпеливо начинает грести копытом, переступая с ноги на ногу. Ему не терпится пуститься вскачь.

– Ну, тише. Тише. Потерпи. Колтун у тебя! Видимо, ласка постаралась, – уговариваю его.

На конюшне я опять одна. Но так даже спокойнее. Конюхи в это время в табуне или на покосе. А Сергей Николаевич уехал по своим делам. Хорошо, разрешил взять Плёса. Только приказал, со своей заботливой строгостью, быть осторожной.

Тихо и спокойно. В такие моменты пульс сам собой замедляется, а голова освобождается от тяжёлых мыслей. Я не чувствую одиночества:

За мной отовсюду следят десятки глаз. Множество ушей прислушиваются к каждому звуку. Где-то завелась машина. Ещё одна ласточка прилетела покормить птенцов. Пара важных куриц шумно разгребают сено. Целый мир, отдельный от всего остального. Поэтому мне нравится это одиночество. Отдых от людей. От суеты большого мира. От выхлопных газов, бесконечного стремления везде успеть. Здесь такого нет. Есть только спокойствие, лошади, каждая из которых – особенная, и я.

Накидываю потрёпанный рыжий вальтрап на спину Плёса, лёгким движением кладу увесистое седло.

Люблю касаться его шеи, чувствовать его дыхание и тепло. Бархат его шерсти щекочет мою ладонь. Лохматая чёлка лезет ему в глаза, прикрывая маленькую звезду на лбу.

У него всегда был внимательный взгляд. Даже люди не смотрят с таким вниманием и участием.

– Плёс, выдохни, немного осталось! – прилагая все усилия, говорю я. Лошади не любят, когда им подтягивают подпругу. Но как они рады вознаграждению за терпение!

Большой кусок серебряного сахара громко хрустит за лошадиной щекой. Я порой также люблю погрызть рафинад. Особенно на конюшне, где он слаще всего.

* * *

Тихо. Шорох и глухое перебирание копытами за стеной. В каптёрке холодно. Так и в любое время года. Запах дёгтя и мышей режет нос. Но летом прохлада спасает.

Мои перчатки истёрлись и порвались в двух местах, а на крагах меняли замки. Каску просто так с собой не таскаю, хотя родители и ругаются. Они всегда волнуются, когда я еду на конюшню. Их беспокоит моё бесстрашие перед лошадьми. Они их немного опасаются. Но я знаю, куда направить эту силу и мощь, которой стоит бояться.

Пока я промешкалась с седлом, солнце поднялось ещё выше и начало не то что греть, жарить. Но что меня остановит?

Как привычно держат тугие поводья в руках и ощущать это мерное покачивание, пока мы ещё не дошли до дорожки на поле. Длинная шея с пушистой гривой перед моими глазами. Заострённые прядяющие уши.

– Давай пару кругов лёгкой рысью?

Он, будто соглашаясь, кивает головой.

Легко нажимаю шенкелями на его бока, и слабый ветер охлаждает нас двоих, легко развевая волосы.

Сердце ловит его ритм. Трава шуршит от его мягкой пружинистой поступи.

Я люблю срезать круг по высокой траве в поле. Больше ощущение свободы.

На повороте Плёс ускоряет ход, и поводья нужно держать крепче. На небольшом отрезке прямой его ноги ступают на утоптанную дорожку, и я даю ему волю.

Всё напряжение уходит окончательно, и наступает полная свобода. От мысли и действия. Ты отдаёшься потоку скорости.

Пuls учащается, я лгну к его шее, цепляясь руками за раздувшуюся парусом гриву.

Ветер. Свобода. Жар. Жар наших сердец. Ничего не существует более, кроме нас двоих. Я ловлю одну волну с лошадьё, наши взгляды в одном направлении, как и желания сердец. Ещё больше скорости, ещё сильнее, ещё выше, кажется, что можно взмыть в небо.

Его ноздри раздуваются. Шея в напряжении вытягивается, она покрыта испариной, и вены вздулись тонкими сплетениями.

Ближе к повороту я стараюсь сбавить его ход, тяну за удила. Он нехотя замедляется, задирая шею, сопротивляясь. Он не хочет останавливать движение, но, подобно мне, осознаёт, что передышка всегда необходима после скоростного забега.

В ногах чувствуется лёгкая дрожь, в руках – усталость. Я ослабляю повод и даю Плёсу расслабиться. Его мышцы до сих пор напряжены, и я это ощущаю. Он опускает голову, чтобы ухватить сочной травы.

«Рысак не должен ходить галопом», – голос Сергея Николаевича проскальзывает у меня в голове.

Мне немного стыдно, но в то же время сладостно. Я маленький бунтарь в огромной системе правил. Плёс любит нарушать правила. Мы оба любим.

* * *

Как же бывает приятен первый глоток. Он холодной струёй успокаивает горло. По всему телу разливается расслабление.

Плёт уже успел извалить бока в сене у себя в деннике, пока я убирала амуницию. Покрытая испариной шкура приняла на себя всю мелкую пыль. В гриве запутались соломинки. Он спокойно наблюдал за мной через решётку стойла.

Громко жевал сухую траву и тихо вздыхал, иногда кося своим синим глазом, ожидая вознаграждения за упорство. Три куска серебряного сахара и добрая половина сочного яблока. Вторую половину я уже успела с наслаждением съесть.

Мне так спокойно рядом с ним. Ни один человек не может дать такого спокойствия. Весь мир вокруг будто замедлился, делая маленькую скидку нам двоим.

Спокойно дышать и смотреть. Как солнце волшебным образом играет своими нитями в его гриве, создавая ореол света. В этом световом потоке летают маленькие частицы пыли и сена. Плёт шумно выдыхает, и эти пылинки начинают метаться в воздухе. Как люди, суетясь, боясь не успеть.

Я мягко глажу его шею. Он хлопает длинными ресницами, продолжая хрустеть сеном.

В какой-то момент солнце озаряет весь денник. Я закутываюсь в тепло солнечного потока и прижимаюсь к его тёплой груди. Чувствую прилив сил и счастья. Огонь его лошадиного сердца может обжечь, но только не меня. Нужно уметь правильно обращаться с этим пламенем, как с пламенем солнца. Он – по-настоящему огненный конь.

* * *

С того момента прошло уже несколько лет. Я стою на пороге взрослой жизни. Но светлые воспоминания о тех волшебных днях яркими полотнами нарисованы у меня в памяти. Плёт продали в какую-то престижную конюшню, в большой город. Такую лошадь нельзя было не заметить.

Я вспоминаю его с радостью. И скучаю. Он был чем-то большим, нежели «ездовая лошадёнка». Он был для меня другом, который слушал и ничего не просил взамен.

Мне остаётся лишь надеяться, что там ему лучше, чем здесь. Что его так же любят и кормят сладкими яблоками.

Мне кажется, он меня помнит.